

Анна
РОССИУС
современный любовный роман
АНАСТАСИЯ
ДЫМАРСКАЯ

Помощница для босса
**ДОГОВОР НА
ЛЮБОВЬ**

18+

Анна Россиус
Помощница для босса.
Договор на любовь

<https://litres.ru/74492182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Лиза Воробьёва, и сегодня меня уволили. Пока только на словах, но завтра я должна буду подать заявление по собственному.

Единственный шанс восстановить справедливость - пробраться к суровому боссу для личной беседы.

Умные женщины в машины малоизвестных миллиардеров тайком не заходят?

Я полезла. И оказалась в плену роскошного, но совершенно невыносимого мужлана!

А потом как закрутилось...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Россиус

Помощница для босса.

Договор на любовь

Глава

Глава 1. Лиза

Умные девушки в машины малознакомых миллиардеров тайком не залезают?

Я полезла.

Скрючиваюсь на полу за водительским креслом громадного чёрного внедорожника и накрываюсь пледом, который нашла на заднем сиденье. Салон пахнет дорогим мужским парфюмом. А еще большими деньгами и безграничной властью.

Это машина моего босса. Точнее, уже почти бывшего босса.

Мамочки, что я творю...

Меня зовут Лиза Воробьёва, мне двадцать с хвостиком, и сегодня меня уволили. Пока только на словах, но завтра я должна буду подать заявление по собственному.

Всё из-за исчезнувшей папки с очень важным проектом,

которую я, якобы, до места назначения не донесла.

Три часа я безуспешно пыталась прорваться в приёмную Северова.

Но на директорский этаж рядовых сотрудников без особой договоренности не пускают. Там охрана, которая смотрит на меня так, будто я несу в сумочке бомбу. А у меня там всего лишь пудреница, три ручки и валерьянка. Валерьянки, кстати, уже половина.

Секретарь Северова, женщина с причёской-шлемом и булыжником вместо сердца, сообщила, что Глеб Александрович занят до конца недели.

— У меня срочно! — сказала я.

— У всех срочно, — ответила она тоном, которым объявляют остановки в метро.

Тогда я пошла думать в туалет. Все великие решения в моей жизни принимаются именно там.

И вот, стоя у окна с видом на парковку, я увидела, как водитель Северова вышел покурить. И не захлопнул дверь машины.

План подкараулить Северова на стоянке сформировался моментально: босс садится в машину, я вылезаю. И пока не оттащила охрана, говорю: «Здравствуйте, послушайте меня, я не виновата, проверьте камеры на этаже канцелярии». Справедливость торжествует, меня не увольняют, как-то так.

Сказано — сделано. Сбегаю вниз, несусь к парковке и забираюсь в машину директора.

Через несколько минут хлопает водительская дверь. Я перестаю дышать.

Потом — передняя пассажирская.

— Домой, — произносит низкий голос. — И не через центр.

Это он, Северов. Голос у него такой, что им можно замораживать шампанское.

Я этот голос, между прочим, впервые услышала не в офисе. Полтора года назад, на юбилее Старыгина — папиного старинного товарища. Папа решил меня «вывести в свет». Свет оказался в смокингах и оценивал друг друга в единицах EBITDA, я тосковала за столиком у колонны — и случайно спихнула локтем клатч прямо под ноги молодому, очень привлекательному мужчине в строгом костюме-тройке.

Он поднял. Посмотрел на меня проницательными карими глазами. Сказал: «Держите крепче. Здесь всё, что выпустите из рук, подбирают конкуренты».

И удалился. А я загуглила этого высокого широкоплечего красавчика раньше, чем он скрылся в толпе элегантно одетых гостей.

Глеб Северов. «Северов Групп». Состояние — не будем о грустном. Семейное положение — «женат на работе».

С тех пор я, каюсь, посмотрела все его интервью. Оба. Больше он не даёт. И если папа думает, что я решила работать именно в его компании из карьерных соображений, — то да, папа. Сугубо из карьерных.

И если совсем-совсем честно: будь это машина любого другого малознакомого мужика — я бы в неё не полезла, страшно. Но это же Северов...

Внедорожник плавно трогается.

Так. Стоп. Что он только что сказал? Домой?!

«Домой» у Северова — это, по слухам, особняк где-то за тридевять земель, в элитном посёлке, куда простым смертным вход заказан!

«Лиза, — оживает внутренний голос, — вылезай сейчас же. Изложи все, как есть».

Я почти решаюсь. Набираю воздуха в лёгкие и...

— Соедини с юристами, — говорит Северов непонятно кому. — По срыву контракта. Да. Ищите причастных, вплоть до уголовки. Халатность или слив — мне всё равно. Кто-то за это ответит.

Воздух выходит из легких беззвучно, как из проколотого шарика.

Уголовка. Прекрасно. Вылезти сейчас — всё равно что выпрыгнуть из торта на поминках.

Едем бесконечно долго. У меня затекла нога, спина и, кажется, душа ушла в пятки. В салоне играет что-то джазовое — неожиданно для человека, который только что хладнокровно пообещал кому-то уголовку.

Я лежу под пледом и думаю о папе.

Папа настоял на моей практике именно в этой компании. Представляю, как он огорчится...

Нет уж. Я доеду до пункта назначения, дождусь удобного момента и всё объясню. Человек дома — добрее.

Машина сворачивает, шуршит гравий. Останавливаемся. — Свободен до понедельника, — говорит Северов.

Двери хлопают. Шаги удаляются. Тишина. Водитель домой пойдет пешком, что ли? Как у богатых принято?

Выжидая пару минут и осторожно выглядываю из-под пледа.

За тонированным стеклом — дом. Не дом даже, а фотка архитектурного журнала в натуральную величину: стекло, камень, подсветка. За ним темнеют сосны. И до ближайшего метро отсюда, судя по всему, километров сорок.

Я села в машину к боссу, чтобы поговорить.

А приехала к нему домой без приглашения. Пока его юристы ищут виновных «вплоть до уголовки».

— Поздравляю, Воробьева, — шепчу я себе. — Из всех дурацких планов в твоей жизни этот — чемпион.

Тихонько тяну ручку двери. Заперто. Конечно. Машины такого класса запираются сами, это тебе не старая папина «девятка» родом из девяностых, которая открывалась пилочкой для ногтей.

Так. Без паники. Изнутри блокировка должна сниматься. Шарю пальцами по двери и вдруг замираю.

По гравию снова шаги. Северов возвращается к машине. Наверное, что-то забыл.

А в машине ведь я!

Щёлкает замок.
Мамочки...

Глава 2. Северов

Сегодня утром я думал, что хуже этого дня уже ничего не

будет.

Но нет, оказывается.

Началось с того, что едва не сорвался контракт. Не просто контракт, а тот, который я вёл полгода. Из-за пропавшей папки с бумагами, которая исчезла где-то между канцелярией и моим этажом.

Восстановить большую часть труда не составит благодаря электронному документообороту. Но какой это удар по репутации компании и моей лично!

Потом четыре часа совещаний, на которых все смотрели на меня преданными глазами и боязливо помалкивали. Звонок партнёрам с извинениями — а я ненавижу извиняться.

И в довершение ко всему перечисленному — Мама. Позвонила спросить, когда я женюсь. Больше всего на свете её волнует, что мне уже перевалило за тридцать и я «так и умру среди своих договоров».

Спасибо, мам. Договоры хотя бы не пропадают... А, нет. Пропадают.

Поэтому, когда Марк привозит меня домой, у меня одно желание: виски, тишина и чтобы весь мир оставил меня в покое хоть на несколько часов.

— Свободен до понедельника, — отпускаю Марка.

Иду к дому. И уже на крыльце вспоминаю: телефон остался в машине. Организм отключается раньше мозга — верный признак, что пора в отпуск.

Возвращаюсь и слышу, как на заднем сиденье кто-то

очень тихо, очень старательно не дышит.

Так не дышат только люди, которые прячутся. Опыт: в детстве я сам так не дышал за шторой, когда отец находил дневник.

Интересные дела.

Забираю телефон с переднего сиденья. Не оборачиваюсь. Спокойно говорю в пространство:

— Считаю до трёх. Потом звоню в полицию. Раз.

Плед на заднем сиденье шевелится.

— Два.

Плед откидывается, и из-под него появляется девушка.

Взъерошенная. Глаза огромные, как у совёнка, которого разбудили днём. Смотрит на меня и молчит.

Из всех вариантов — грабитель, журналист, человек от конкурентов — этот я не рассматривал.

— Здравствуйте, — говорит она.

Здравствуйте. Она сидит в моей машине, у моего дома, под моим пледом — и «здравствуйте».

— Три, — говорю я и достаю телефон.

— Подождите! — она вскидывает ладони. — Я не воровка! Я ваша сотрудница! Воробьёва, канцелярия, третий этаж! Это я потеряла папку! То есть нет! Не теряла! В том-то и дело!

Так. Стоп.

Смотрю на неё внимательнее.

И память, которая никогда меня не подводит, услужливо

достаёт из архива: юбилей Старыгина, позапрошлая осень. Девушка у колонны, синее платье, уроненный клатч.

Единственный человек в зале, который откровенно скупал, — и единственный, на кого я в тот вечер посмотрел дважды. Я тогда спросил у Николая, кто это. «Дочь моя, Лиза», — сказал Воробьёв с такой гордостью и таким предостережением одновременно, что я закрыл вопрос. Заархивировал.

Через месяц он позвонил: возьми к себе девочку, пусть набирается опыта. Я взял. В канцелярию, на третий этаж, максимально далеко от себя — и не стал разбираться, почему «максимально далеко» показалось мне важным условием.

И вот результат: минус контракт — и она в моей машине, под моим пледом.

— И вы решили, — говорю медленно, — что лучший способ это обсудить — спрятаться в моей машине.

— Нет! То есть да. То есть... — она набирает воздуха. — Меня к вам не пускали! Ваш секретарь сказала, что вы заняты до конца недели! А у меня срок до завтра! Я хотела поговорить в дороге, но вы сказали про уголовку, и я... притаилась.

Я тру переносицу.

— Вылезайте.

Она выбирается из машины — неуклюже цепляясь за ремень, прыгая на одной ноге по гравию. В руках сжимает мой плед, как щит.

— Итак, у вас одна минута. И учтите: момент не подходя-

щий, чтобы врать мне.

Она выпрямляется, задирает подбородок. И выдаёт — чётко, как на экзамене:

— В четырнадцать сорок семь я положила папку на стол начальнице канцелярии. Своими руками. На этаже есть камеры, я видела. Запросите записи — там всё есть. Я не теряла документы и не понимаю, почему из меня сделали крайнюю за один день, даже не поговорив!

Пауза.

А вот это уже интересно.

Потому что записи с камер третьего этажа мне сегодня принести не смогли. «Технический сбой», сказали. Именно за тот день. Именно на том этаже. Утром я списал это на обычное головотяпство.

Но если сбой случился так удачно...

Вероятно, папка не потерялась. Её потеряли спецом.

И тогда девочка, которая стоит передо мной, прижимая мой плед, — не растяпа, а свидетель. Последний человек, который видел документы.

И которого кто-то очень оперативно подставил под увольнение.

— Как вы вообще попали в машину? — спрашиваю.

— Ваш водитель не закрыл её, когда отходил покурить на парковке.

Марк. Поговорим в понедельник.

— И вы поехали. Не зная куда.

— Я думала, вы по делам или на ужин! — возмущается она. Она ещё и возмущается. — Кто ездит домой в разгар рабочего дня?!

— Тот, у кого сорвался контракт и полетели к чертям все планы.

Она захлопывает рот. Молчит секунды три — по-моему, для неё это очень долго.

Смотрю на неё. Растрёпанная, с валерьяновым запахом и железной уверенностью в своих «четырнадцати сорока семи».

— Так, — говорю. — В дом.

— Что?.. — она отступает на шаг. — Зачем это в дом?

— Затем, что до города сорок километров. Такси до посёлка не ездит — только до КПП на трассе, двадцать минут пешком. А разговор у нас будет длинный. — Я иду к крыльцу и на ходу добавляю: — И верните на место плед. Вы его уже измяли.

За спиной — тишина. Потом торопливый хруст гравия: догоняет.

— А вы... — она равняется со мной, — вы мне верите? Хороший вопрос.

Я не верю никому уже лет десять — с тех пор, как мой первый партнёр вывел активы через фирму, оформленную на тещу. Не верю юристам, не верю совету директоров, маме верю через раз.

Но камеры сломались слишком вовремя. А эта девочка —

слишком нелепа для интриганки.

— Я верю фактам, — говорю. — Факты завтра. Сегодня вы расскажете мне всё: кто был на этаже, кто заходил, кто выходил, кто что видел. По минутам.

— А потом?

— А потом я решу, кто вы, Воробьёва. Жертва обстоятельств... — открываю перед ней дверь, — или аферистка.

Она проходит мимо меня в дом, гордо задрав нос. От неё все сильнее пахнет валерьянкой и духами — чем-то лёгким, несерьёзным, весенним.

И тут в кармане вибрирует телефон.

Смотрю на экран. Начальник службы безопасности. В субботу вечером он звонит только в одном случае: что-то случилось.

— Слушаю.

— Глеб Александрович, — голос у него напряжённый. — По записям с парковки. Мы осмотрели, кто крутился у канцелярии... Вы сейчас один?

Я смотрю на Воробьёву, которая застыла посреди моей гостиной, разглядывая потолок с открытым ртом.

— Не совсем. А что?

— Плохие новости, — говорит он. — Вам лучше присесть.

Глава 3. Лиза

Дом у Северова такой, что в нём страшно дышать.

Потолки — где-то в стратосфере. Лестница из стекла и

стали парит в воздухе, ни на что не опираясь, — видимо, ей, как и всем здесь, платят достаточно, чтобы не задавать вопросов. Камин размером с мою комнату.

Я стою посреди этого великолепия в мятой юбке, с вальсёрской сумкой, и чувствую себя воробьём, залетевшим в оперный театр.

Фамилия обязывает, что уж.

Северов ушёл говорить по телефону куда-то вглубь дома. Ушёл с лицом человека, которому сообщили что-то нехорошее. А я осталась одна в его гостиной. Сорок километров от города.

И, конечно, я делаю то, что сделала бы любая приличная девушка на моём месте.

Иду подслушивать.

Не специально! Я иду искать туалет. Просто ищу его в том направлении, откуда доносится его голос. Навигация у меня такая. Интуитивная.

Голос слышен из-за приоткрытой двери кабинета:

— ...то есть сбой только на третьем этаже. Удобно... Нет, Воробьёва тут ни при чём... Почему уверен?

Пауза. Я прилипаю к стене и превращаюсь в слух.

— Потому что человек, который слил документы, сейчас пьёт шампанское и празднует. А не прячется в моей машине под пледом с риском для карьеры и здоровья. Это поведение не преступника. Это поведение...

Пауза.

— ...сумасшедшей, — заканчивает он.

Так. Хорошее начиналось предложение. Концовку запарол.

— Записи с парковки пришли? Отправь мне. Всё, до связи.

Шаги к двери. Быстрые.

Я отскакиваю от стены с грацией ошпаренной кошки, разворачиваюсь, делаю вид, что просто иду мимо, — и со всего размаха врезаюсь в него.

В Северова. В грудь. Носом.

Грудь у биг-босса твёрдая, как его репутация. А руки — быстрые: он подхватывает меня за плечи раньше, чем я успеваю отлететь.

— Подслушивали, — констатирует он.

— Туалет искала!

— Рядом с моим кабинетом.

— В ваших хоромах нет указателей!

Мы стоим слишком близко. Его ладони всё ещё на моих плечах — большие, горячие даже через блузку. От него пахнет тем самым парфюмом с пледа, только теперь запах будто живой, настоящий. И я вдруг с ужасом понимаю, что не отстраняюсь.

И он не отходит.

Мамочки.

Смотрю вверх. А зря. Вблизи Северов — это вам не портрет на сайте компании и не силуэт через банкетный зал. Тём-

ные глаза, жёсткая линия челюсти, усталая складка между бровей. И взгляд — внимательный, тяжёлый, от которого по позвоночнику бегут мурашки.

— Значит, слышали, — говорит он тихо.

— Что я сумасшедшая? Слышала.

— Вырвано из контекста.

— А в контексте?

— В контексте — сумасшедшая, которая говорит правду.

Сердце делает кувырок. Глупое. Это он про папку, а не про... не про что-либо ещё.

— Туалет по коридору направо, — он наконец убирает руки. Плечам сразу становится холодно, и это возмутительно. — Ужин через двадцать минут. Разговор — за ужином.

— Вы готовите? — не верю я.

— Я разогреваю. Готовит Зинаида Марковна, она приходит днём. Не льстите себе, Воробьёва, — он уже уходит в сторону кухни, — это не свидание. Это допрос с горячим.

Допрос с горячим. Запишу. Так ещё никто не портил и не улучшал мой вечер одновременно.

За ужином — а это, между прочим, вкуснейшее ризотто, о котором я буду рассказывать внукам, — я выкладываю всё.

По минутам. Кто был на этаже, кто заходил в канцелярию, кто выходил. Северов слушает, не перебивая, только иногда что-то помечает в телефоне. Без пиджака, рукава рубашки закатаны, и я честно, изо всех сил стараюсь не смотреть на его предплечья.

Получается плохо. Предплечья выдающиеся.

— Стоп, — говорит он вдруг. — Отмотайте назад. Кто заходил после вас?

— Инна из договорного отдела. Она забирала корреспонденцию... — я запинаюсь.

Потому что вспоминаю. Инна забирала корреспонденцию. С большой стопкой папок. И одна из папок была бордовая.

Наша была синяя. Но под бордовой обложкой... Мамочки. А если она просто накрыла нашу своей стопкой — случайно или нет — и унесла всё вместе?

Рассказываю. Северов откладывает вилку.

— Инна, — повторяет он. — Фамилия?

— Стрельцова. А что?

— А то, что Стрельцова, — говорит он медленно, — три недели назад подавала заявление на перевод. В компанию наших партнёров. Тех самых, с которыми сорвался контракт. Ей отказали.

Мы смотрим друг на друга через стол.

И вот в этот момент между нами происходит что-то странное. Не романтическое даже — заговорщицкое. Как будто мы двое только что стали командой. Он и я. Против всех.

— Записи с парковки, — он берёт телефон, открывает видео, встаёт и обходит стол. Наклоняется над моим плечом, чтобы показать экран.

Близко. Очень близко. Его дыхание касается моего виска,

и я забываю, зачем мы здесь.

— Смотрите. Пятница, восемнадцать десять.

На экране — парковка. Женщина в бежевом пальто садится в машину. На пассажирском сиденье её ждёт кто-то. Она передаёт ему что-то через окно.

Что-то бордовое.

— Это Инна, — шепчу я.

— А это, — Северов увеличивает изображение, и его голос становится очень спокойным. Опасно спокойным. — Это Круглов. Мой заместитель.

Я поворачиваю голову. Он поворачивает голову.

И мы оказываемся лицом к лицу. Сантиметров десять. Может, восемь. Его глаза — прямо напротив моих, и в них что-то тёмное, горячее, совсем не имеющее отношения к документам.

Секунда. Две. Три.

Воздух между нами звенит.

— Воробьёва, — говорит он хрипло.

— А? — выдыхаю я.

— Корпоративный шпионаж. Очень большие деньги на кону. И вы — единственный свидетель.

— Угу, — говорю я, глядя на его губы. Губы у него... Так, Лиза. Соберись.

— Отпустить вас в город сегодня я не могу. Это небезопасно.

— Угу.

— Гостевая спальня наверху. Вторая дверь налево.

— Угу.

Он выпрямляется. Медленно, будто через силу. Отходит к окну и говорит, не оборачиваясь:

— Спокойной ночи, Лиза.

Лиза. Не «Воробьёва». Лиза.

Я поднимаюсь по стеклянной лестнице на ватных ногах, вцепившись в перила, и понимаю две вещи.

Первая: меня подставили, и мой босс собирается за меня воевать.

Вторая — и она пугает меня гораздо больше первой.

Кажется, я только что чуть не поцеловала человека, у которого собиралась выпрашивать своё увольнение обратно.

И — мамочки — кажется, он тоже.

Глава 4. Северов

Три часа ночи. Я не сплю.

Лежу в собственной спальне, в собственном доме, смотрю в собственный потолок — и чувствую себя гостем. Потому что через две двери от меня спит девушка, которая сегодня влезла в мою машину и, судя по всему, куда-то ещё, куда пускать её категорически нельзя.

Составим список. Я всегда составляю списки, когда мир сходит с ума.

Пункт первый: разница в возрасте. Когда она училась читать, я уже сдавал сессию.

Пункт второй: она дочь Воробьёва. Человека, который по-

просил меня — лично меня — присмотреть за девочкой. Присмотреть, Глеб. Не пялиться на её плотоядно через обеденный стол.

Пункт третий: она свидетель по делу, которое пахнет ставкой для моего заместителя. Любые отношения с ней — подарок адвокатам Круглова: «Ваша честь, показания дала любовница истца».

Пункт четвёртый: за ужином она смотрела на мои губы. Три секунды, я считал.

Пункт пятый: это не началось сегодня. Это началось позпрошлой осенью, у колонны, с клатча. Полтора года я был уверен, что файл заархивирован. Выяснилось: файл не архивировался. Файл всё это время работал в фоновом режиме.

Так. Эти пункты вычёркиваем. Список отменяется. Список себя дискредитировал.

Поворачиваюсь на другой бок. Потолок с этой стороны выглядит так же издевательски.

Почти десять лет разницы. Дочь Воробьёва. Свидетель.

А перед глазами — как она ела ризотто и от удовольствия болтала ногой под столом. Думала, я не вижу. Я видел. Я, к сожалению, видел вообще всё: как она заправляет прядь за ухо, когда врёт про «искала туалет», как морщит нос, вспоминая, как хмурится, глядя в экран с записью, — сосредоточенно, по-взрослому, и от этого контраста внутри что-то тяжелеет.

Прекрасно, Северов. Тебе тридцатник, у тебя корпоратив-

ная война на пороге, а ты лежишь и думаешь про нос.

В шесть утра я сдаюсь и спускаюсь в спортзал. Час на дорожке. Полчаса железа. Помогает примерно никак.

В восемь иду на кухню за кофе.

И понимаю, что зря.

Она стоит у кофемашины. Спиной ко мне.

В моей рубашке.

В моей белой рубашке, которая вчера висела в гостевой — Зинаида Марковна вешает туда свежее для гостей. На мне эта рубашка — офисная скука. На Воробьёвой — это состав преступления. Рубашка ей до середины бедра. Дальше — ноги. Много. Длинные...

Волосы у неё собраны в небрежный пучок, из которого всё валится. Она тыкает в кнопки кофемашины и бормочет:

— Так, а если тебя вот сюда... Нет? А если вежливо? Пожалуйста? Ну и техника у богатых, без магистратуры не подступишься...

Надо уйти. Развернуться и уйти, а потом войти громко, с топотом, дав ей время... не знаю. Одеться. Перестать быть такой соблазнительной...

Я не уйду.

— Доброе утро.

Она подпрыгивает. Разворачивается. Видит меня — а я после зала, в футболке, и её взгляд проделявает по мне путь, который я предпочту не комментировать, — и заливается краской. Вся. От ключиц до ушей.

— Я... это не то, что... Моя блузка мягкая! А это висело!
Я думала, оно ничьё!

— В моём доме, — говорю, — сложно найти что-то ничьё.

— Я переоденусь!

— Пейте кофе, — я подхожу и молча жму на кнопки. Машина, предательница, заводится с полуоборота. — Магистратура не нужна. Нужно нажать «пуск».

— Я нажимала!

— Вы нажимали «очистка». Она мыла себя.

Воробьева издаёт стон отчаяния и утыкается лбом в кухонный шкаф. Пучок окончательно разваливается, волосы падают на плечи. На мою рубашку. И я ловлю себя на мысли: пусть носит. Идёт ей больше, чем мне.

Ставлю перед ней чашку. Она обхватывает её обеими ладонями, как замёрзший зверек, и смотрит на меня поверх кофе.

— Вы всегда встаёте в шесть? Я слышала.

— Плохо спал.

— Из-за Круглова?

— Да, — говорю я. — Из-за Круглова.

Из-за Круглова, Лиза. Разумеется. Не из-за того, что через стену дышал человек, которого мне нельзя.

— Что мы будем делать? — спрашивает она. — Ну, с записью. С Инной. Со всем.

Мы. Она говорит «мы» так естественно, будто мы сто лет работаем в паре. И самое страшное — мне нравится это

«мы». Больше, чем должно.

— В понедельник вы напишете заявление, — говорю я.

Она вскидывается, глаза становятся огромными:

— Вы всё-таки меня увольняете?!

— Заявление о переводе. Моим личным помощником.

Пауза. Она моргает.

— Круглов должен считать, что победил, — объясняю. — Вас понизили, приблизили, теперь вы под колпаком у злого босса. А на самом деле вы будете рядом, потому что вы — свидетель, и я хочу видеть вас в зоне досягаемости. Постоянно.

Последнее слово выходит не с той интонацией. Совсем не с той.

Она это слышит. Я вижу, что слышит: у неё розовеют скулы, и она делает глоток кофе, чтобы спрятаться за чашкой.

— В зоне досягаемости, — повторяет она. — Как улика.

— Как ценный сотрудник.

— Вчера я была сумасшедшей.

— Одно другому не противоречит.

Она смеётся — внезапно, легко, запрокинув голову. И вот тут я совершаю ошибку. Я смотрю на её шею. На линию от уха вниз, туда, где расстёгнута верхняя пуговица моей рубашки.

И она перехватывает мой взгляд.

Смех гаснет. Кухня становится очень тихой. Слышно, как гудит холодильник и как громко, непозволительно громко

колотится чьё-то сердце — надеюсь, её, потому что если моё, дело плохо.

— Глеб Александрович... — говорит она шёпотом.

— Лиза, — говорю я. — Сейчас самое время сказать мне «не надо».

Она смотрит мне в глаза. Подбородок вверх — жест, который я уже выучил. Упрямый воробей.

— А если я не скажу?

Всё. Списки, пункты, разница в возрасте — всё летит в мусор.

Я забираю у неё чашку, ставлю на стол не глядя. Ладонь ложится на её затылок, в мягкие спутанные волосы, вторая — на талию, под которой горячо даже через ткань. Она вдыхает — коротко, испуганно — но тянется навстречу первой.

Её губы мягкие и пахнут кофе, который сварил ей я.

Целую медленно. Медленно — потому что если быстро, я за себя не отвечаю. Она хватается за мою футболку на груди, сжимает ткань в кулачках, отвечает неумело и жадно, и от этой смеси у меня темнеет в глазах. Прижимаю её ближе, ещё ближе, она тихо стонет мне в губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.